

Глава 7. Эти вещи, те вещи

Сохэй предлагает Харуке, чтобы они перенесли их место встречи в укромную святыню. А всё потому, что это выглядит странно для других людей, когда они вот так встречаются. К счастью, Отелло там не было, и потому Харуке было только в радость.

Харука спрашивает Сохэя, где он остановился, и протягивает руку чтобы ухватиться за него. Она говорит, что это потому, что не видит его, а значит она не знает где он стоит в тот момент, когда она это делает.

Сохэй рассказывает Харуке, что «это город, где живут невидимые люди» и что «он сокрыт в этом городе». Он также говорит, что они в полной мере самодостаточны, Харука говорит, что это напоминает ей город из детской сказки.

Затем Харука смотрит вниз и просит Сохэя вернуться. Она хочет посмотреть ему в глаза и поговорить с ним ещё раз. Сохэй рад, что Харука сказала это, но потом говорит, что не может.

Когда его попросят уточнить, Сохэй говорит Харуке, что всем и так хорошо без него, и что он только творит чёрт знает что, для класса и его тётки. Харука не проявляет никакой ответной реакции, но, когда Сохэй её спрашивает, она рассказывает, что полиция рассказала ей о травле. Она просит прощения за то, что ничего не сделала. Он также рассказывает Харуке о своих отношениях с тёткой.

Харука предлагает ему вернуться ещё раз и увидеть ситуацию своими глазами: «Хотя для тебя вряд ли всё прояснится... может, тётка и школа не будут сообразны тому, что ты себе представляешь».

Вернувшись в невидимый город как-то раз, когда Сохэй прогуливался по одному из городских амбаров, он краем глаза увидел кошку. Подумывая, было ли это нормальным явлением, он пошёл в «JIRO» спросить Дзиро и Сибату.

Как-то говорили, что однажды собаке удалось проникнуть внутрь города, но Сибата и его приятели по скейтборду вывели её наружу; такое случается время от времени.

Размышляя над тем, что сказала Харука, и бродя по городу, он опять увидел кошку. У неё был чёрно-белый мех и красная ленточка на шее, — она прямо вылитая копия Отелло.

Когда Сохэй приблизился к ней, кошечка убежала. Он бежит внутрь сооружения, где повсюду разбросаны вещи, но настоящая конструкция, которая привлекает внимание Сохэя — это лестница, ведущая под землю.

Сохэй спускается по лестнице, его бдительность на максимуме. Он хорошо помнит, как Сибата рассказал ему про колодец в уголке города, так что, возможно, это он и есть. Пока он вспоминал, лестница вошла в большое пространство.

Пространство выглядит как 50-метровый бассейн. Внутри открытого пространства несколько взрослых распивают спиртное, дрыхнут на матах и играют в сёги. Атмосфера напоминает Сохэю ту, что на крыше; скорее всего, это место встречи для взрослых в городе.

Он видит Отелло, идущую по тропинке с другой стороны, и следует за ней. Внизу тёмной тропы лежат самые разные предметы. Один из предметов: рюмка, на которую Сохэй почти наступил, но он отложил её в угол от греха подальше.

Отелло подошла к тупику. Когда Сохэй позвал её, его бросило в шок: там был человек.

Мужчина выглядит старым и в дряхлым: его волосы неопрятные и грязные, его одежда изодрана, его кожа в морщинах. Прямо сейчас он гладит Отелло.

Сохэй зовёт мужчину. Он медленно встаёт и смотрит на Сохэя, его лицо выглядит худым, а взор укрыт пеленой. Однако по какой-то причине в этом человеке было что-то, что напоминало Сохэю... хотя это было невозможно.

— Почему ты... здесь? Здесь же ничего нет.

— А что вы тут делаете?

— Я пришёл сюда не так давно. Твой кот?

— Эта кошка похожа на ту, за которой я раньше ухаживал во внешнем мире... Ам, может, это грубо просить о чём-то таком... но как давно вы пришли в невидимый город?

Укрытые пеленой глаза мужчины смотрели на Сохэя. Даже при том, что они не обменялись несколькими словами при разговоре, выносливость мужчины выглядела так, будто она уже на дне.

Его дыхание было бессвязным.

— Простите. Говорить что-то такое при первом же разговоре как-то...

— ... Странные дела. Я не помню каждую мелочь, но мне кажется прошло, по крайней мере, лет десять.

Дыхание Сохэя стало хаотичным. Я должен проверить это интуитивно, — подумал он.

И пока он так думал, имя одного человека, что парило в голове, вышло из его рта.

— ... Ты, Юити, Сима-сан?

Плечи мужчины двинулись от шока.

На самом деле этого не может быть, — когда он думал так, с одной стороны, давным-давно, воспоминания Сохэя, который смотрел на фотографию, стоявшую на его столе... кричали.

Мужчина перед тобой — твой отец, твердили они.

— Ты же Юити Сима-сан, верно?

Человек разок громко откашлялся и заговорил.

— ...Кто ты?

— Я...

Сохэй заговорил.

— Я Сохэй Сима...

В одно мгновение глаза мужчины широко раскрылись. Склера в его глазу была грязной и пожелтевшей, но теперь она, казалось, сочилась и бурлила водой.

— ... Со-Сохэй....

Мужчина поднял шею, его рот, который вскоре начал пускать слюни, прерывисто задышал.

— Это... правда ты.....? Ты правда Сохэй? Что... поч, почему... здесь? А-а, почему...

Этот человек — Юити Сима! Его громадная сборка рухнула с гигантским шумом, Сохэй услышал шум рядом с ушами. Ноги, которые поддерживали его тело, пока он был в сознании, теперь, казалось, стали слабыми. Что, мать вашу, происходит? Разве ты не умер? Почему я смог встретить отца в этом месте?

Сдерживая дрожащее тело, Сохэй открыл рот.

— Ч-что произошло? Ты же умер... я ведь слышал, что ты умер...

Юити Сима не слушал, а лишь постанывал «а-а-а» и «у-у-у».

Глаза становились ярко-красными.

— Что произошло! — Сохэй повысил голос, Отелло спрыгнула и куда-то убежала. — Прощу, расскажи мне!

Юити Сима опёрся обеими руками на пол и ткнулся лоб о землю.

— Прости...

— ...Что?

— Прости! Прости, ей-богу...

— П, пожалуйста, остановись! Прощу, ответь на мой вопрос! — не понимая, у Сохэя было такое чувство, будто небо и земля собирались поменяться местами.

Подняв голову, Юити Сима нервно заговорил.

— С тех пор, как ... с тех пор, как моё тело исчезло, кто заботился о тебе...?

— ...Моя тётушка.

— Кадзухо, точно, я же сказал ей, что умер. Я подумал, что так к лучшему. Определённо... Я не хотел осыпать тебя своим странным желанием. Это было правильное решение...

Его искренний говор, подкрепляемый кивком, был гораздо более раздражающим.

— Почему ты в невидимом городе...? — спросил Сохэй.

Но Юити Сима закрыл рот. Его взгляд упал на ноги, как будто он был растерян.

У Сохэя возникло чувство, хотевшее схватить его за ворот.

— ... Прошу, ответь мне!

Внезапно позади него раздался глухой стук. Сохэй рефлекторно обернулся.

Путь, сияющий в тонкой люминесцентной лампе, был пуст.

Сохэй снова повернулся к отцу.

— ...Что произошло?

— Я устал...

— Хах...?

Юити Сима продолжил говорить.

— В то время, когда я потерял жену, твою маму, я остался один... Я не мог воспитать ребёнка в одиночку... Я устал.

Сохэй медленно покачал головой.

— Что... — что этот человек только что сказал?

Мужчина перед его глазами плотно закрыл глаза, словно терпел боль, и заговорил.

— Меня как будто раздавили... ... и совсем скоро я не смог справиться со своей работой... но вот ты был ещё жив... ... Несмотря на это я кое-как смог содержать тебя несколько лет, но я просто не мог больше сдерживаться... и когда я почувствовал себя так...

... Хочешь сказать, ты стал невидимкой?

Сохэй удержал свой язык с такой силой, с какой только мог, и подумал. Он говорил, что он растил его несколько лет, когда он был ещё совсем маленьким, но в итоге он бросил его, а затем превратился в невидимку, — вот что он имеет в виду?

Это его тётя придумала эту ложь? Чтобы он не знал правду? Чтобы она воспитала сына этого человека вплоть до этого дня?

Он понял, почему Юити Сима хотел попросить прощения. Но ему непозволительно даровать что-то вроде прощения.

И наконец, Сохэй взорвался.

Схватив отца за одежду, напоминающую лохмотья, в этих самых грязных глазах отразился его собственный близко стоящий сын.

— Ты! Ты ничего не понимаешь в ответственности! Бросил собственного ребёнка, навлёк на свою семью беды! Как долго я страдал... какого хрена ты... сделал это? Что ты за человек? Я не могу простить тебя за нечто подобное!

Сохэй резко отпустил его руки. Гнев и позор бегали в его голове, создавалось впечатление, что он расплачется. Однако он не мог плакать перед этим человеком. Сохэй стерпел это.

— Ответственность... — пробормотал Юити Сима. — Ты прав. Я несу ответственность. Но это бесполезно. Я бесполезный человек...

Его отец опять ткнулся лбом о землю, он громогласно заговорил.

— Мне жаль, мне жаль... это правда непростительно! Я ужасен...

... Этот мужчина, это мой отец...

Глядя на его тело, которое не передавало впечатление, что его гордость была сломлена, Сохэй был ошарашен.

Его одолевал порыв наступить на затылок его убогой головы, желая размазать его нос о землю. Это определённо породило бы удовлетворительный шум. И всё же он не мог вынести вида, как его тело рыдает и пытается убежать. Увидь он своего отца таким — он предпочёл бы умереть на месте.

А-а-а, говоря об этом, он вдруг вспомнил. Фотография горячего источника в каком-то месте. Когда он смотрел на фотографию, на которой запечатлён этот самый человек, это давало ему заряд ежедневной бодрости — он вспоминал об этом и находил это уморительным, теперь же он хотел высмеять себя. Как тупо, — подумал он. Ни с того, ни с сего, он захотел придумать образ своего отца в своей голове. Он играл безнадежно в одиночестве.

Сохэй хихикнул, и, прежде чем он это понял, Юити Сима поднял голову и пробормотал.

— Ты должен покинуть невидимый город.

— ... Прости?

Раздался холодный голос, который удивил его само до такой степени. Юити Сима, похоже, тоже вздрогнул и на некоторое время замолчал.

— Что? Тебе хочется мне что-то сказать?

— ... Говорю, если ты пришёл только что, то тебе следует уйти прямо сейчас. Этот город — не рай.

— ... Это ты за себя собираешься мне рассказать, папаня с большой буквы?

Однако, несмотря на это Юити Сима продолжил говорить.

— Это не хорошее место для людей. Ты наверняка пожалеешь об этом.

На мгновение каждая эмоция внутри Сохэя снова заискрилась.

— Херня! Ты говоришь только за себя! Остайся ты во внешнем мире, и у меня бы вообще не было бед, понимаешь? Или ты об этом сожалеешь? С меня хватит, ты полный кретин! Это всё твоя вина!

Сохэй глубоко вздохнул. Когда поднявшаяся пыль собиралась успокоиться на земле, долгое молчание прошло.

Немного погодя Юити ничтожно пробормотал.

— Прости...

Не говори так больше. Он снова повернул лицо вниз, словно не мог больше смотреть сыну в лицо.

Как моллюск, тонущий в океане, он не двигался.

Всё кончено. Вот что почувствовал Сохэй. Засим, разговор умер.

Покидая этот грязный подвал, его одинокий, убогий отец и точно такой же убогий сын.

Сохэй вернулся на путь, по которому он пришёл. Он не мог перейти на бег, так как в его коленях не было энергии, но даже так, он всё равно был быстр.

Впрочем, он был быстр лишь в течение минуты, когда он убегал от этого мрачно места.

Но на том месте, где изгибался путь, он увидел изогнутый осколок стекла у своих ног. Взмолнованно глядя на него, он понял, что это рюмка, лежавшая на углу пола.

Она как-то разбилась.

Тут кто-то был?

У Сохэя прошёл озноб по спине.

Завтрашним утром Сохэй решает навеститься в школу, как и предложила Харука. Даже при том, что он прекрасно её помнит, он чувствует себя совершенно другим человеком, посещающим её.

Он заглядывает в класс. Кажется, они сейчас на уроке. Парта Сохэя всё так же находится позади класса. И естественно, она пуста. Затем наступил обед. Компашка школьников пулей вылетела из двери класса, Сохэй подождал пока они пройдут, а затем вошёл внутрь.

Хидзири здесь. Он разлёгся на своей парте, как будто спит. Удивительно, но никто из его дружбанов не с ним. Они все ушли.

Подслушав разговор двух девчонок в классе, складывается впечатление, будто все начали понимать праведное отношение Хидзири; они думают, что всё было подстроено в драке с Сохэем.

И кроме того, похоже, что Хидзири отдалился от своих друзей. Он больше не разговаривает в классе. Впрочем, одна из девушек обмолвилась, что даже если он попытается заговорить с ней, она проигнорирует его. Видимо, вина за исчезновение Сохэя была возложена на Хидзири.

Сохэй приходит в ступор. Он думал, что всё должно пойти гладко, с тех пор как он ушёл. Но теперь кажется, что он и Хидзири поменялись местами, и теперь уже Хидзири находится в изоляции.

После этого Сохэй идёт домой повидать свою тётушку. Он осторожно открывает стальную дверь и снимает обувь. Он видит, как работает его тётя, кажется, она работает над обложкой для книги. Всё кажется нормальным, поэтому Сохэй собирается уйти, как вдруг...

Зазвонил телефон. Кадзухо встаёт и отвечает... «... Нет, потому что я не смогла с ним созвониться или как-то ещё. Я несколько не уверена в полиции».

Подозревая, что это про него, Сохэй ждёт.

Оказывается, Кадзухо разговаривает со своим дядей. Она говорит ему, что «я не могу с ним

созвониться», потому что «он пропал» и начинает плакать.

— Когда этот мальчик вырос, мало-помалу я стала не понимать о чём он думал... Он не из тех мальчишек, которые честно рассказывают, что у них на уме. Кроме того, я просто понятия не имела, как его воспитывать... А когда я говорила с ним, он просто отвечал: «Ничего» и «Да не то, чтобы». Казалось, мы становимся всё более отдалёнными. Говоря об этом, я чувствовала, что, в конце концов, я и впрямь не могла быть для него матерью... до недавних пор я вообще не могла с ним поговорить.

— ... Хватит, — из рта Сохэя раздался измученный голос. — Тётя, хватит.

Однако его тётушка не слышала этого. Она общалась только с человеком по телефону.

— ... Знаю. Правда в том, что теперь я не могу понять всю суть ещё сильнее, ты так не думаешь? И потом, я бесполезна... Я не его мать, и мне кажется, мне не следовало быть такой настырной. Но, но я ошибалась... Я не рассказывала тебе, что раньше творилось в его классе? Беспредел вроде травли, а я не замечала этого вплоть до того самого... Я заметила, что в тот день, когда Сохэй пропал... Он пришёл домой весь в побоях. Хотя он сказал мне... что его как-то сбил велосипед... Это всё моя вина.

Услышав, что его тётушка обвиняет саму себя, Сохэй решает, что хочет поговорить с ней глядя в глаза. Но он больше не может этого слышать, поэтому он покидает квартиру.

Простояв какое-то время на улице, Сохэй вспоминает, куда он должен был сходить.

Сегодня он и Харука встречаются в парке Хатиодзи. По её заявлению: это то, что она запланировала на сегодня. Она уже на скамейке, читает книгу. Сохэй легонько похлопывает её по плечу, и она протягивает руку чтобы взяться за него.

Когда они держатся за руки, Сохэй чувствует себя перегруженным эмоциями и начинает плакать. Но он пытается это вытерпеть.

Харука чувствует, что что-то не так и спрашивает его. Сохэй пишет, что ничего такого. Харука говорит, что она хочет, чтобы он рассказал ей, но Сохэй чувствует, что время для рассказа ещё не пришло.

Затем Харука поворачивает к тропинке позади Сохэй: «Ты пришёл».

Это Хидзири.

— ...Йоу...

У него был откровенно неэнергичный голос. Когда Харука выглядела так, будто затерялась с ответом, её фигура слегка сместилась в сторону.

— Присядь.

В пробеле между Харукой и Хидзири, которые присели, было вакантное место на одного человека. Сохэй стоял прямо за ним и следил за развитием событий.

Это и было как раз-таки то, что предложила Харука. По её словам, то, что Сохэй воображал себе в аудитории 11 класса-5 и его тётушку — было совсем по-другому.

Позвав сюда Хидзири после школы, она хотела, чтобы он понаблюдал за ними, — как бы говорила она.

Но, бога ради, зачем она хочет, чтобы я смотрел. У Сохэя не было никаких ожиданий.

Хидзири, до сих пор молчавший с повисшей головой, заговорил.

— Дай мне извиниться, за мою выходку.....

Харука бросила взгляд на Хидзири, сидевшего рядом с ней, а затем перевела взгляд перед собой.

— Ты не закончил извиняться, — для Харуки это был самый холодный голос, какой она могла вообще произнести.

— Прости, — снова сказал Хидзири.

Сохэй додумался, что они говорят про их поцелуй.

— Это была внезапная атака.

— ... Прости, правда.

«Ха-ах», — Харука вздохнула, а затем примолкла. Однако, Сохэй понял, что она больше не злится. Начнём с того, что её личность редко негодует на других людей. Ты не изменишь того, что уже стряслось, вероятно, она приняла это.

— Ладно... хватит об этом... — Харука скрестила руки. — Послушай, я хочу, чтобы ты рассказал мне о Сохэе и о классе.

Тело Хидзири слегка вздрогнуло.

— Расскажешь мне правду, пожалуйста? — сказала она удивительно незлобивым голосом.

Что она удумала? Наблюдая за тем, как Хидзири и Харука сменяют друг друга; вероятно, она хочет, чтобы я что-то увидел.

Сохэй возбудился.

— Я бесполезен... — пробормотал Хидзири. — Всё из-за того, что я натворил. Я ужасен.

Сохэй засомневался в своих ушах.

— ... Ну и что ты сделал? — Харука нервозно спросила Хидзири.

После этого, Хидзири, спотыкаясь то тут, то там, показал своё поведение Сохэю. Ломать, игнорировать, насмехаться и ранить. Тогда-то он разоткровенничался о том, что это он был вдохновителем, стоящим за всеми этими действиями. Он также поведал о планах зачинщиков, которые не успели опробовать на Сохэе, вплоть до мельчайших подробностей. Точнейшим образом.

Однако и то, что сказал Хидзири, было не всем. Он скрыл несколько ужасных притесняющих актов. Признание во всех своих грехах любимой девушке должно быть невыносимо. Вместе с тем, возможно, есть моменты, которые и он не помнит.

Но Сохэй не забыл ничего-единого из того, что они вытворяли с ним. Зачинщики как бы невзначай делают человеку больно, чтобы у жертвы это накрепко засело в их памяти. Он хотел сказать это Хидзири.

Харука глубоко вздохнула, выслушав о каждой мелочи, которую Хидзири сделал с Сохэем. После того, как Хидзири закончил говорить, казалось, что она не могла говорить какое-то время.

— ... Зачем, зачем ты натворил что-то настолько ужасное? — она испуганно открыла рот и заговорила с Хидзири.

Она от всего сердца не понимала его поступки.

— Как по мне, грустно, что ты пострадал, Хидзири. Но ты был лучшим другом Сохэя, разве нет? Не ты ли говорил о совместной поездке на национальный турнир? Так... почему ваши отношения превратились в нечто подобное?

Та история из средней школы. Он ушибся из-за неаккуратности Сохэя и страдал от лёгких последствий в ноге.

Хидзири молчал, пряча своё лицо. Харука была поражена его видом, казалась она слегка испытывает жалость.

— ... Как твоя нога? — спросила она.

Но Хидзири напротив — вдруг заговорил.

— ... Я соврал.

— А? — и Харука, и Сохэй оба так сказали.

— Я соврал, о последствиях...

Хидзири снова закрыл рот. Шум всплеска фонтанов стал ужасно громким. Как будто они трубили в недрах головы.

— ... О чём ты? — спросила Харука.

Сохэй тоже посмотрел на Хидзири. Независимо от того, что он сказал, это не имело никакого смысла.

— Это правда, что я не могу бегать... Бегать на полной скорости до сих пор больно. Но это не из-за моей лодыжки...

Травмой Хидзири был перелом лодыжки. Сохэй, Харука и остальные учащиеся видели его гипсовый слепок. Они ясно помнили его.

— Дело в голени. В моей голени... был стрессовый перелом.

Полный смятения, Сохэй заёрзал на месте. Сдвинувшись, заросли у его ног слегка шелохнулись. Харука на краткий миг глянула в его сторону и легонько кивнула. Однако он и Харука, как могло показаться, были приблизительно одинаково шокированы.

— ... Я разговаривал с врачом незадолго до той травмы. Это был стрессовый перелом от чрезмерных тренировок, сказали они. Паршивое чувство. Но я думал, что выдержу это и попаду на национальные. Именно тогда и произошёл случай.

В результате Сохэй уронил свисток, а Хидзири упал.

— Перелом был прям, что надо. Я было подумал, ничего уж не попишешь, раз оно есть. Я подумал, что если дело в Сохэе, то я ничего не могу поделать.

— Ничего не понимаю, — Харука покачала головой. — Ты про что говоришь? Так, Хидзири, можешь ещё раз пройти шаг за шагом?

Сохэй также сглотнул и стал ждать его рассказа. Хидзири передвинул своё тело, опёрся на спину, и начал свой рассказ.

— Когда мы пошли в среднюю школу, я вступил в клуб лёгкой атлетики, знаешь почему?

— ... Потому что в него вступил Сохэй, я права?

— Потому что в него вступила ты, Харука, — сказал Хидзири. — Ноги Сохэя были быстрыми. Так что я подумал, что было вполне естественно, что он присоединился к лёгкой атлетике, я подумал, что тоже должен вступить. Если бы я это сделал, я бы сказал, что стану менеджером с вами. И я подумал, класс, ну тогда я тоже вступлю. Я не хотел проигрывать Сохэю. Но у этого парнишки были сильные моторные рефлексy, так что у меня не было шансов. Поэтому я подумал попробовать взять другую дорогу. Я выбрал 200-метровый спринт, всё же у меня не было особой причины... Этот парнишка был и впрямь потрясающим. Мы оба были первогодками, он уже занимал топовые места на городских турнирах, помнишь? Я искренне верил, что он удивителен. Я знал, что у него есть то, чего у меня нет. А так как я ненавидел проигрывать, я как никогда занимался клубной деятельностью и тренировками по собственному желанию. Я тренировался без выходных. Но независимо от того, что я предпринимал, у меня бы никогда не получилось обогнать Сохэя. И потом, поскольку у этого парнишки был в некотором роде узкий взгляд на стратегию, я взял на себя лидерство. И благодаря этому меня назначили главой клуба в следующем году с подачи сэмпая. Но когда наступила зима на нашем 2-ом году, мне диагностировали стрессовый перелом. Даже если ты уже знаешь про это, Харука, это не то, от чего ты можешь легко оправиться. Но я не собирался сдаваться на этом. Я не мог просто наблюдать за усилиями Сохэя, а сам ничего не делать. Так что я решил, что сделаю это. Именно тогда я и упал.

Харука и Сохэй молчали. Хидзири продолжил свою историю.

— Я думал, что ничего не поделаешь. Причиной послужил Сохэй, Харука, ты тоже видела тот момент. Он был как раз кстати по многим причинам.

— ... Подожди. Что за, «как раз кстати»? В каком смысле, «ничего не поделаешь»? — вставила замечание Харука, Хидзири медленно и непринуждённо вздохнул, а затем продолжил.

— Ты мне нравилась, Харука, уже очень давно. Поэтому я и вступил в клуб лёгкой атлетики — чтобы устоять и не исчезнуть из твоего вида. Я тренировался предостаточно, чтобы добиться наилучших результатов. Но... тебе же нравится Сохэй, я прав?

Сохэй перевёл взгляд на Харуку. Но, ничего не говоря, её спина не двинулась ни на миллиметр.

— Из-за моего стрессового перелома остались травмы, у меня было такое ощущение, будто ответственность перешла к Сохэю. Ничего страшного, если я не смогу усердно тренироваться при таких обстоятельствах, подумал я, если на мне не будет ответственности, то ничего страшного. Я закончил, так что в итоге я не стал нытиком... разве это «не как раз кстати»? Я добился вашего сочувствия. И потом, вслед за всем этим, Сохэй не добился хороших результатов на всех национальных. А всё потому, что он чувствовал себя в долгу, мысленно, это уж точно. Я догнал его... Но потом я почувствовал себя виноватым. Сохэй был моим лучшим другом. Когда я беспокоился о том, как мне загладить вину перед ним, мы вместе перешли в старшую школу, и я подумывал стать его тренером. Я хотел быть менеджером, как Харука. Затем, ближе к выпускному экзамену, Сохэй подошёл и сказал мне: «Я не могу заниматься лёгкой атлетикой в старшей школе». Я... буквально, по какой-то причине, взбесился. У него было столько всего в сравнении со мной. Я чувствовал, что тренируйся он более всеохватно — и он добьётся куда лучших достижений в лёгкой атлетике, а ещё он был сообразительным. Больше всего на свете... я всегда завидовал ему, потому что он тебе нравился, Харука. А этот парень взял и сказал, что он бросает лёгкую атлетику из-за семейных обстоятельств и прочей чепухи. Я знал, у меня не было оснований злиться... Но я был донельзя зол, и потом я с ходу сорвался на нём, обозвав его куском говна. И все же он всегда, казалось, принимал это, не нарываясь в ответ, как настоящий мужчина. В конце концов, я по-прежнему чувствую себя ничтожеством. Но даже так, после всего случившегося у него не сдали нервы.

Харука наконец открыла рот.

— ... Так когда ты стал задирать его?

— Поначалу я и не планировал. Просто, когда я сам видел Сохэя, это выводило меня, поэтому я просто держался от него подальше. Я радовался, что мы были в разных классах на нашем первом году. Но поскольку мы оказались в одном классе, когда перешли на второй год, вокруг меня все сразу завертелись, под небольшим порывом, они сплетничали о моей травме. Потом они разозлились за меня... за меня... и когда я увидел этих злившихся типов, я передумал и решил, что это Сохэй всё-таки плохой. Обстоятельства сыграли мне на руку. Ну а потом...

Плечи Хидзири дрожали. Сидя рядом с ним, Харука тоже тихо плакала.

— Я наехал на него... Я хочу попросить у Сохэя прощения...

Это был голос, который, казалось, заглушал шум всплеска фонтанов.

Сохэй тоже проронил слёзы, наблюдая за этой парой сзади.

Проронив первую слезу, они уже не могли просто остановиться. Может ему следует злиться на Хидзири, того, кто до этого дня прятал от него явь. А может ему следовало избить его. Вот только, почему-то он не злился на своего лучшего друга, который признался во всём до этой

минуты. Если б мог, он хотел оказаться лицом к лицу, посмотреть ему в глаза и поговорить с ним.

Но он не мог. Сейчас слёзы просто били через край, он ничего не мог сделать.

<http://tl.rulate.ru/book/24138/533564>